

ка. Безусловно, это связано с гораздо большей сложностью и неоднородностью речевых явлений по сравнению с языковыми. Лингвистика и до Ф. де Соссюра стремилась выделить из множества феноменов наиболее регулярные и очевидные, а структурализм лишь эксплицировал это стремление. Но настало время расширять объект изучения, и тут сразу встают вопросы метода. Методы других наук, во-первых, могут подменить лингвистический анализ чем-то другим, во-вторых, часто они также не разработаны.

Что можно здесь предложить? Безусловно, сильной стороной подхода В.В. Дементьева является умение детально анализировать конкретный речевой материал. Показателен подробный анализ рассказа В. Шукшина «Медик Володя» (с. 228–235). Автор книги изучает его с точки зрения нарушения персонажами правил речевого жанра (в данном случае, светской беседы, затем переходящей во флирт). Анализ значительно отличается от лингвистического, но очень похож на литературоведческий (хотя аналогичным образом могла бы изучаться и запись живой речи; материал рассказа удобен лишь тем, что, помимо диалога, в нем содержится и внутренняя речь героя). Исследователь реконструирует намерения персонажей, сверяет их реплики с эталоном светской беседы и фиксирует отклонения, показывает постепенный и неожиданный для самого героя рассказа переход от одного жанра к другому. С точки зрения лингвиста анализ нестрог и субъективен, вероятно, другой исследователь речевых жанров мог бы провести его по-другому (а лингвистика привыкла, по крайней мере, в идеале требовать проверяемости и повторяемости анализа), но этот анализ выглядит разумным и убедительным. Во всяком случае, проверку критерием здравого смысла он выдерживает.

Пока неясно, сможет ли изучение речи выработать более строгие методы или же их принципиально не существует. Полвека назад считалось, что выработка математических методов

для любой гуманитарной науки – вопрос времени. Точка зрения, согласно которой в лингвистике строгие методы применимы лишь там, где «элементами структуры являются чистые отношения» (фонология, отчасти грамматика) [Абаев 2006: 103], высказанная в 1960 г., тогда казалась анахронизмом, теперь ее рассматривают всерьез. Но дисциплина, не обладающая строгим методом, всегда будет вызывать неудовлетворенность (в том числе у самих ее представителей) из-за субъективности и произвольности, а выводы могут оказаться слишком далеко идущими. И все же нужны и поиски методов изучения речи, и тем более необходима сама лингвистика речи. Ее направления, включая теорию речевых жанров, уже дали интересные результаты, а рецензируемая книга позволяет читателю с ними познакомиться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 2006 – В.И. Абаев. Статьи по теории и истории языкознания. М., 2006.
 Алпатов 2005 – В.М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.
 Бахтин 1996 – М.М. Бахтин. Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1996.
 Дементьев 2000 – В.В. Дементьев. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.
 Дементьев 2006 – В.В. Дементьев. Непрямая коммуникация. М., 2006.
 Шмелева 2007 – Т.В. Шмелева. Жанроведение? Генристика? Генология? // Антология речевых жанров. М., 2007.

В.М. Алпатов

Сведения об авторе:

Владимир Михайлович Алпатов
 Институт востоковедения РАН
 v-alpatov@ivran.ru

D. Shulman (ed.). Language, ritual and poetics in ancient India and Iran: Studies in honor of Shaul Migron. Jerusalem: The Israel academy of sciences and humanities (Publications of the Israel academy of sciences and humanities. Section of humanities), 2010. x + 276 p.

Рецензируемая книга представляет собой сборник, составленный по материалам конференции «Миф, ритуал и поэзия в древней Индии и Иране», организованной в марте 2001 г. в Иерусалиме Израильской академией наук и посвященной 60-летию замечательного израильского лингвиста и востоковеда, специалиста по индоиранской филологии Шауля Мигрона.

Сборник включает двенадцать статей (в том числе и статью самого юбиляра), которые сгруппированы в четыре раздела и представляют различные области индологии и иранистики, начиная с исследования ведийской грамматики и ведийских текстов и кончая классической санскритской поэтикой.

Первый раздел, «Исследования по ведийскому языку», открывает статья «Валентность и значение глагола *yaj* в Ригведе» Д. Баума, ученика Ш. Мигрона, защитившего в Лейденском университете диссертацию (под руководством Ш. Мигрона и А. Лубоцкого) об императиве в Ригведе. Автор поставил своей задачей проанализировать все основные типы употребления этого хорошо засвидетельствованного ведийского глагола, обычно используемого в качестве примера одной из центральных функций ведийского медиального залога: *yájati* (активная форма) ‘совершать жертвоприношение в чьих-либо интересах’ ~ *yájate* (медиальная форма) ‘совершать жертвоприношение в своих интересах’ (значение, часто определяемое как ‘аффективно-посессивное’). В целом выводы автора, сделанные на основе детального анализа засвидетельствованных конструкций, подтверждают традиционную концепцию, хотя Баум отмечает и ряд отклонений от общего распределения – включая один пример аффективно-посессивного употребления активной формы. Автор справедливо отмечает, что на семантику глагола существенное влияние оказывают превербы – факт, хорошо известный санскритологам. К сожалению, Баум практически не рассматривает ряд важных синтаксических особенностей глагола *yaj*. Так, хотя автор и упоминает, что *yaj* может выступать в конструкциях с аккузативом божества или приносимого в жертву объекта¹, он нигде не указывает на тот факт, что такое синтаксическое поведение характерно для целого ряда ведийских глаголов и является важной чертой архаичного индоевропейского синтаксиса: в качестве аккузативного прямого дополнения при таких глаголах может выступать как первый («ближний») объект (так называемые ‘транслативные’ употребления), так и второй («дальний») объект (так называемые ‘орнативные’ употребления); см., в частности, [Hetztrich 2007: 3, 138–141], где дается подробный анализ всех синтаксических моделей, засвидетельствованных для глагола *yaj*; этой проблеме посвящена также монография Ж. Одри [Naudry 1977], лишь бегло упомяну-

тая в одной сноске, причем в контексте весьма неточного изложения интерпретации Одри (Одри, конечно же, не считает инструментальную группу при глаголе *yaj* «настоящим прямым дополнением»).

Дж. Клейн анализирует в своей статье стилистические повторы в Ригведе – тема, чрезвычайно актуальная для этого текста, характеризующегося богатым арсеналом стилистических приемов. Выделяется пять основных типов с рядом подтипов (всего – около тридцати) – собственно анафора (не смешивать с местоименной анафорой!), т. е. повтор одного и того же слова в начале каждой клаузы (элементарного предложения) по типу *Призываю Агни первым для благополучия; призываю Митру (и) Варуна для помощи; призываю ночь...; неанафорический повтор (полиптон и параномасия) типа Бог пришел с богами; несет ношу; повтор грамматических морфем и др.* Статья продолжает серию исследований автора, посвященных ведийскому «макросинтаксису».

Статья А. Лубоцкого представляет каталог и подробный анализ лексем и словоформ V книги (канды) Атхарваведы в рецензии Пайппалады, которые не встречаются за пределами этого текста или встречаются лишь существенно позднее, в послеведийский период. Среди них – целый ряд неизвестных прежде сложных слов, глагольных дериватов и форм, свидетельствующих о том, насколько ценна для санскритской лексикографии и ведийской грамматики лингвистическая информация, извлекаемая из Пайппалады. Так, к описанию ранневедийских каузативных глаголов [Jamison 1983] следует теперь добавить каузатив *abhi cālaya-* ‘околдовывать’ (до сих пор мы имели дело лишь с дериватом от *r*-корня *abhi cāraya-*, встречающимся в средневедийском – в Шатапатха-брахмане). Не был прежде известен медиальный перфект *bibhīde* (корень *bhid* ‘ломать’), засвидетельствованный, что интересно, в непереходной (антикаузативной) конструкции (‘сломался’) – важное дополнение к фундаментальному описанию перфекта [Kümmel 2000].

Завершает раздел статья Ш. Мигрона, посвященная сочинительным союзам в ведийской прозе и развивающая таким образом тему, детально разработанную Дж. Клейном для Ригведы, на средневедийском материале. Автор дает краткий очерк засвидетельствованных в брахманах типов сочинительной связи (союзное и бессоюзное сочинение, полисиндетон и др.), обращая главное внимание на те приемы, которые использовались и в ранневедийский период, но были окончательно систематизированы в ведийской прозе.

Второй раздел, «Размышления о ритуале, ведийском и эпическом», содержит две статьи.

¹ «Третья модель» – с аккузативом объекта, о котором адешт просит богов, отмеченная автором всего один раз (Ригведа 3.17.3 *devānām āvo yajṣi* ‘соверши жертвоприношения ради помощи богов’), – скорее всего, является фикцией: в приведенном случае, мы, по-видимому, имеем дело со смещенным типом первой модели, где прямое дополнение, указывающее на являющихся объектом поклонения богов, заменяется на упоминание одного из аспектов богов – их поддержки, которая в данном случае и является адресатом жертвоприношения.

Я. Хубен предлагает детальный анализ легенды об Атри, довольно смутно упоминаемой в Ригведе (боги-близнецы Ашвины спасают Атри из затруднительного положения – из ямы?). В ходе дискуссии автор предлагает решения для целого ряда лексикографических и морфологических проблем, обсуждая лексему *ṛh̥ṣa-* (обычно переводимую как «вулканическая расщелина»), форму *hiména* (которую следует переводить, согласно Хубену, как «зимой, в холодный сезон»), значение слова *gharmá-* (обозначающего, вероятно, горячий молочный напиток, который Ашвины дали Атри в холодное время года), формы глагола *vr̥* «покрывать» и др. Не все предлагаемые автором решения представляются приемлемыми; в частности, неубедительна интерпретация формы 2 л. дв. ч. мед. *várethe* (Ригведа 8.73.3) как презентной (с. 116 и сл.), предполагающая существование презенса I класса *váratī* «защищает», что крайне маловероятно. Скорее всего, эта форма представляет собой инфинитив аориста с презентным окончанием – редкое морфологическое образование, описанное К. Хоффманном [Hoffmann 1952 [1957]: 128–130 (= Hoffmann 1976: 364–366)] под названием «тип *gathá-*».

Т. Райх обсуждает два тесно связанных в ведийской, а затем и в эпической санскритской литературе мотива – мотив прерывания жертвоприношения и мотив словесного поединка, – рассматривая их как элементы комплекса «агонистических» мотивов и прослеживая их эволюцию в позднейшие эпохи, в частности анализируя интересную проблему адаптации или устраниения идеи насилия в составе ритуала.

Три статьи, входящие в третий раздел, «Древний Иран», посвящены различным аспектам авестийской филологии и зороастрийского ритуала. Д. Буянер рассматривает следы культа предков в зороастризме. На примере двух авестийских мотивов – образа Небесного пастуха (Divine shepherd) Митры, владеющего обширными пастбищами потустороннего мира, и благословенных героев, пребывающих в Раю (понятие, соотносимое Буянером с и.-е. корнем **vel-*, предположительно представленным в авестийском *frauuāši-*), – автор выдвигает интересную гипотезу о том, что культ предков в древнеиранской (авестийской) традиции может быть объяснен лишь в контексте его индоиранского (или индоевропейского) происхождения; в зороастризме же они занимают вторичное положение, не являясь органической частью канона. Статья содержит целый ряд важных наблюдений в отношении индоиранской и индоевропейской мифологии и этимологии; в частности, в обширной сноске 8 на с. 165 автор обращается к проблеме этимологии имени индоиранского бога ветра *Vāyu*

(предположительно родственного украинскому *Вуй*), традиционно связываемого с глагольным корнем *vā* ‘дуть’. Заслуживает внимания высказанное Д. Буянером предположение о связи этого имени с другим корнем, *vī* ‘преследовать’, от которого оно могло быть образовано с помощью агентивного суффикса **-u-* (*vāy-ú-*)², а затем переосмыслено как образование с суффиксом *-yu-* от корня *vā* ‘дуть’.

Статья Т. Гиндин посвящена анализу авестийской формы *surunuuaata*, несколько раз встречающейся в Авесте в одном и том же контексте: *təm / tqm yazāi surunuuaata yasna* ‘я буду поклоняться ему / ей при помощи *surunuuaata* жертвы / жертвоприношения’. Большинство исследователей соотносят эту форму с редким и не до конца ясным морфологическим типом – индоиранским отглагольным прилагательным на *-ata-*, часто образующимся не от корня, а от презентной основы и имеющим значение, близкое к пассивному причастию презенса или герундиву (ср. *paśyatá-* ‘видимый’, *yajatá-* ‘заслуживающий жертвоприношения’). За пределами индоиранского этот тип засвидетельствован также в греческом (прилагательные с суффиксом *-ето-*, которым посвящено детальное исследование Б. Вайна [Vine 1998]). Автор упоминает также альтернативный анализ формы *surunuuaata* – как презентного причастия на *-nt-* с пассивным значением. Статья Т. Гиндин едва ли проясняет значение формы *surunuuaata* и типа на *-ata-* в целом, представляя собой нагромождение недоказуемых, некорректных или попросту неверных утверждений. Так, уже на второй странице работы (с. 177) автор обнаруживает незнание элементарных основ индоевропейской реконструкции («The Indo-European suffix *-eto-* (PIE **-nto-*) is an unproductive adjectival formation»); слоговое *-ṇ-* никак не может быть источником (пра?)индоевропейского *-e-*; вдобавок, остается лишь догадываться, в чем, по мнению автора, заключается различие между «индоевропейским» и «праиндоевропейским». Совершенно неприемлем предлагаемый на с. 178 анализ форм на *-atá-* от *-ya-* презентов (типа *paśyatá-* или *haryatá-*) как пассивных причастий на *-tá-*, образованных от герундивов (пассивных причастий будущего времени) с суффиксом *-ya-* – герундивов *paśya-* и *harya-* не существует, да и само допущение возможности

² Впрочем, приводимый автором в качестве параллельного случая пример др.-инд. *stāy-ú-*, авест. *tāii-u-* ‘вор’ не вполне корректен: обе формы образованы от корня (*s*)*tā* < **(s)teh₂-*, а не от (*s*)*tāy*; ср. *тамь* и см. [EWAia: I, 643; II, 759]; хотя возможно, что *-y-* было вторично включено в состав корня под влиянием *-ya-* презенса (*s*)*tā-ya-*.

присоединять суффикс пассивного причастия к герундиву попросту абсурдно.

Столь же неверны и/или некорректны суждения, высказываемые автором в отношении индоевропейского в целом, например: «Taking *surunuuata* as an *-ata-* F[uture] P[assive] P[articiple] would make it the only case in the whole of Indo-European where the suffix occurs with an athematic present stem» (с. 179, курсив автора статьи). Во-первых, образование такого типа встречается в ведийском (*jinvata-* ‘побуждаемый, стимулируемый’ в Агхарваведе, в рецензии Пайппалада; см. [Lubotsky 2002: 7 f.]). Во-вторых, форма *surunuuata*, скорее всего, основана на вторичной тематизации атематической назальной основы *suruni-* – возможность, на которую, как отмечает автор статьи, указывал уже Бартоломе. Также неверно, что активные причастия на *-nt-* с пассивным значением не встречаются в индоевропейском за пределами хеттского (с. 180): этот тип засвидетельствован также несколькими формами в ведийском, ср. в особенности *stavánt-* ‘прославленный, прославляемый’; см. [Watkins 1969: 142 ff.; Kulikov 2006: 59–61]. Некоторые формулировки, встречающиеся в статье, не вполне корректны, ср. следующий отрывок: «Many verbs, in different Indo-European languages, have both transitive and intransitive meanings. Consider another, less intricate (?? – Л. К.) Indo-European language, English: I smell / taste the food; the food smells / tastes delicious...» (с. 180). Речь, очевидно, идет о лабильных глаголах, которые могут встречаться в одной и той же форме как в переходных, так и в непереходных употреблениях: говорить о существовании у них «переходных и непереходных значений», разумеется, некорректно. Следующее за этим утверждением хаотичное перечисление разнообразных рефлексов праи.-е. **k̑leu-* ‘слышать’ свидетельствует не о синтаксической «индифферентности» соответствующего и.-е. глагола, который, как считает автор, мог иметь «many meanings related to “to hear”, including to be famous or celebrated, to sound or pronounce, or to be called», а о богатой системе залоговых форм и валентных дериваций в праязыке, частично сохранившихся в различных и.-е. языках. По меньшей мере некорректно цитировать в связи с этим (с. 181) соответствующую статью из «Лексикона индоевропейского глагола» [LIV: 334], реконструирующую именно систему, а не ту хаотичную картину, которую рисует автор.

Небольшая заметка Ж. Келленса, одного из крупнейших специалистов по авестийской филологии, посвящена феномену «амфиполярности»: некоторые термины индоиранского сакрального лексикона могли первоначально иметь диаметрально противоположные значения. Согласно весьма правдоподобной гипотезе

автора, основой возникновения противоположных значений у соответствующих индийских и иранских терминов (ср. др.-инд. *devá-* ‘бог’ ~ авест. *dāeva-* ‘демон’) могла послужить утрата амфиполярности в соответствии с разнонаправленными сценариями.

Три статьи заключительного раздела посвящены санскритской поэтике. Й. Броннер обсуждает черты поздней санскритской поэтики и их отражение в трудах индийского ученого XVI века Аппайи Дикшиты, выбирая в качестве основной темы дискуссии соображения Аппайи относительно сравнений (скр. *upamā*), и убедительно демонстрирует на этом примере новаторский характер его трудов – в частности в том, что касается характера определений, историцизма и др. Статья Л. МакКри посвящена сравнительно слабо изученному аспекту древнеиндийской поэтической традиции – жанру комментария на поэтические произведения, представляющему соединительное звено между теоретическими построениями авторов трудов по санскритской поэтике и собственно поэтическими произведениями. Автор уделяет основное внимание комментариям Маллинатхи, южноиндийского схоласта начала XV в., и показывает, что основной целью, которую преследовал этот комментатор, было обоснование соответствия поэтических произведений грамматическим, литературным, политическим и другим нормам и моделям, санкционированным теоретическими трактатами, – допуская, среди прочего, и множественность интерпретации того или иного стиха с точки зрения синтаксического или семантического анализа, при условии что ни одна из интерпретаций не входит в противоречие с этими нормами. Д. Шульман анализирует одно из центральных понятий др.-инд. поэтической традиции – *camatkāra* ‘чудо, поэтическое наслаждение’ (термин, который, по мнению некоторых авторов, воспроизводит звук цокания языком), имеющее, как он показывает, весьма широкий спектр употреблений – от описания эстетической реакции до обозначения энергии, высвобождаемой языком.

Книга прекрасно издана и, несмотря на сравнительно небольшой объем, хорошо отражает все основные разделы и важнейшие отрасли исследований индоиранской филологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- EWAia – M. Mayrhofer. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. I–II. Heidelberg, 1986–1996.
Haudry 1977 – J. Haudry. L’emploi des cas en védique. Introduction à l’étude des cas en indo-européen. Lyon, 1977.

- Hettrich 2007 – *H. Hettrich*. Materialien zu einer Kasussyntax des Rgveda. Würzburg, 2007. (Интернет-публикация; продолжающееся исследование; см. <http://www.vergl-sprachwissenschaft.phill.uni-wuerzburg.de/publikationen-hettrich.html>)
- Hoffmann 1952 [1957] – *K. Hoffmann*. Zur vedischen Verbalflexion // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft 2. 1952 [1957].
- Hoffmann 1976 – *K. Hoffmann*. Aufsätze zur Indoiranistik. Bd. 2. Wiesbaden, 1976.
- Jamison 1983 – *S.W. Jamison*. Function and form in the *-áya*-formations of the Rig Veda and Atharva Veda. Göttingen, 1983. (KZ; Ergänzungsheft 31).
- Kulikov 2006 – *L.I. Kulikov*. The Vedic medio-passive aorists, statives and their particples: Reconsidering the paradigm // B. Tikkanen, H. Hettrich (eds.). Themes and tasks in Old and Middle Indo-Aryan linguistics. Papers of the 12th World Sanskrit conference. V. 5. Delhi, 2006.
- Kümmel 2000 – *M. Kümmel*. Das Perfekt im Indoiranischen. Wiesbaden, 2000.
- LIV – *H. Rix* (Hrsg.). Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. 2., erweiterte und verbesserte Auflage. Wiesbaden, 2001.
- Vine 1998 – *B. Vine*. Aeolic ὀρέτω and deverbative **-etó-* in Greek and Indo-European. Innsbruck, 1998.
- Watkins 1969 – *C. Watkins*. Indogermanische Grammatik. Bd. III: Formenlehre. Teil 1. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg, 1969.

Л.И. Куликов

Сведения об авторе:

Леонид Игоревич Куликов

Лейденский университет / Институт языкознания РАН, Москва

l.kulikov@hum.leidenuniv.nl

D. Brentari (ed.). Sign languages. Cambridge: Cambridge university press, 2010. xxi + 691 p.

Книга «Жестовые языки» издана в серии Cambridge language surveys, в которой печатаются главным образом обзоры генетических и ареальных групп языков мира. Как пишет во вступлении редактор Д. Brentari, одной из основных целей этой книги было представить данные большого количества разных жестовых языков (далее ЖЯ), что, несомненно, создателям удалось (в ней обсуждаются более сорока ЖЯ мира). Книга состоит из трех частей: 1) передача (transmission) ЖЯ, 2) общие лингвистические характеристики ЖЯ и 3) вариативность и изменения в ЖЯ. Стоит отметить, однако, что не все главы соответствуют тематике частей.

Первая глава в этой книге – вступление, написанное Д. Brentari. В нем обсуждается, почему жестовые языки важны для лингвистики. Основной интерес, по мнению автора, представляет визуальный канал передачи (или «визуальная модальность») ЖЯ, проявления иконичности в жестах и возникновение ЖЯ из жестикуляции. Во вступлении дается также краткий обзор содержания последующих глав.

Первая часть книги посвящена истории ЖЯ и особенностям их передачи. ЖЯ находятся в очень необычной для естественных языков ситуации, когда традиционный способ передачи языка – от родителей к детям – не норма, а исключение. Так как глухота бывает не только врожденной, но и приобретенной (лишь 10 % глухих детей рождаются в семьях глухих), усвоение языка чаще происходит не в семье, а в школе или в обществах глухих, поэтому очень

высока роль образования и языкового взаимодействия между носителями. Важнейшим событием в истории ЖЯ является Миланский конгресс (1880 г.), на котором было принято решение, что так называемый «оралистский метод», когда глухих детей учат звуковым языкам и запрещают пользоваться жестами, более эффективен, чем использование ЖЯ в образовании. Этот конгресс оказал влияние на функционирование школ для глухих практически во всем мире, привел к понижению статуса ЖЯ и затруднил их передачу. Другая особенность ЖЯ – это то, что они потенциально являются вымирающими: в настоящий момент в развитых странах кохлеарная имплантация (операция по восстановлению слуха) применяется почти ко всем глухим детям, после чего эти дети не учат жестовые языки. Однако социолингвистическая ситуация в разных странах различна, и этому посвящены первые шесть глав книги, где рассматривается история образования глухих в различных странах, организации глухих, статус ЖЯ, а также влияние кохлеарной имплантации. В книге не обсуждается ситуация с ЖЯ в США, Великобритании и других странах, о которых написано достаточно много литературы. Следует, однако, заметить, что некоторые названия глав вводят читателя в заблуждение: например, в главе 6, которая называется «Передача жестовых языков в Африке», на самом деле рассматривается только ЖЯ Уганды; названия других глав тоже часто шире их реального содержания.